

ского фундаментализма (в России) или национал-сепаратизма в ближнем зарубежье, на некоторых бывших автономных и даже исконно русских территориях»¹.

Вместе с тем, здесь нужно помнить и об очень опасной крайности в виде так называемой конспирологии – «теории кулис», теории «заговоров» или «сионских», «масонских», «финансовых», «коммунистических», «капиталистических» (каких угодно) «мудрецов, тайно правящих миром». О чём говорит теория заговоров, в чём её итоги, а, главное, – какова продуктивная критика в виде вопросов, на которые пока эта теория не даёт ответов? Главная идея этой теории – борьба за мировое господство (военное, экономическое, информационное, биологическое, геополитическое, – какое угодно). Главные здесь и ближайшие нам теоретики – Гегель, Маркс, Дарвин и Клаузевиц. Если нет борьбы, нет и истории. Из современных отечественных авторов наиболее определён в этом отношении Б. Капустин, согласно которому, история без войны, это, так сказать, «деньги на ветер».

Но вот в чём проблема – юридически и экономически эта теория совершенно не подтверждается, – если говорить об итоговых стадиях её осуществления, а не о предварительных декларациях, заявляемых накануне окончательных управленческих решений. Если только агрессия не носит исключительно риторический характер. Но и здесь раньше или позже появляется конфликт между рефлексиями и реальной управленческой практикой. Примером того служат кризисные явления в политике, такие, как события 1812 г. или современный кризис, за устранение последствий которого не взялась, как известно, ни одна транснациональная, международная структура. В статусном и ролевом плане позитивные решения взяли на себя только национальные государства. И в этом – тоже уроки событий 1812 г. Их, если угодно, историософия.

ПРОВИНЦИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО В ЭПОХУ 1812 г. (на примере Астрахани)

Тимофеева Елена Георгиевна, доктор исторических наук, профессор

Астраханский государственный университет
414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а
E-mail: timofeeva.asu@mail.ru

PROVINCIAL SOCIETY OF 1812 (by the example of Astrakhan)

Timofeeva Elena G., D.Sc. (History), Professor

Astrakhan State University
20a Tatishchev st., Astrakhan, 414056, Russia
E-mail: timofeeva.asu@mail.ru

Обращение к исследованию темы воздействия Великой войны на российской общество, в том числе провинциальное, связано с желанием «разглядеть облик» этого общества в проявлениях конкретного, индивидуального, своеобразного, раздвинуть границы проблемных полей в изучении процессов развития российской провинции в начале XIX в.

Нижнее Поволжье – особая географическая и социокультурная зона, уникальный «вмещающий ландшафт», сохранивший следы многих культур и этносов, взаимодействовавших здесь на протяжении тысячелетий. Астрахань выступала контактной зоной пересечения цивилизаций Востока и Запада. Через «Ворота народов» проходили потоки кочевых переселений из Азии в Европу, маршруты торговли. Это специфический феномен, в котором зафиксированы исторически сформировавшиеся

¹ «Консерватор» – эксперт, гражданин, правитель. Государство, общество, частная жизнь, познание («Круглый стол») // Вестник Московского университета. 1995. № 4. С. 5–6. Серия 12. Политические науки.

ценностные ориентиры, типы социального поведения, этнологические установки и определенные экономические практики, обеспечивавшие его устойчивое развитие.

Региональное пространство Волго-Каспия представляло собой многослойный, самостоятельный социокультурный организм, реагировавший на вызовы времени, активно включавшийся в процессы исторического действия. Астрахань в первой четверти XIX в. являлась крупным административным, экономическим центром, с населением более 30 тыс. человек. Ежегодный торговый оборот города оценивался в 3,5 млн руб. Сюда стекались товары из Персии, Хивы, Бухары, здесь звучала разноязычная речь, бурлила коммерческая жизнь.

В полиэтничном пространстве Астрахани издавна были заметны «колонии» живших здесь иностранцев и нерусских подданных Российской империи. В пограничном городе, да еще в условиях военного времени, за иностранцами-европейцами приглядывали особенно внимательно. «Секретные наблюдения» вели и за кочевавшими поблизости киргиз-кайсаками (казахами) Букеевской орды, «усугубили» и «меру надзора» за калмыками.

Командиру Астраханского казачьего полка генерал-майору П.С. Попову предписывалось откомандировать в ведомство городской полиции 10 конных и 15 пеших казаков при двух благонадежных офицерах для совершения ночных объездов по городу. Астраханские казаки исправно несли кордонную службу, обеспечивали порядок в городе, позже – сопровождали партии военнопленных до мест назначения. Условия военного времени заставили губернские власти усилить меры по сохранению порядка, обеспечению «тишины и спокойствия». Отдаленность Астрахани от театра военных действий, неопределенность информации, стремительное продвижение наполеоновской армии вглубь страны, оккупация русской земли, вселяли в граждан страх, способствовали распространению тревожных слухов, особенно со стороны «черни», которые могли иметь «заклучение самое невыгодное для России». Чтобы не было паники, слухи пресекали, направляя «мысли и волю» жителей на общее благо [5].

Вторжение наполеоновских войск в Россию в 1812 г. вызвало небывалый патриотический порыв у астраханцев. Общество сплотилось в едином порыве, чтобы противостоять грозному врагу, проявив лучшие качества гражданственности, самопожертвования. На нужды войны собирали денежные средства, драгоценности, золотую и серебряную посуду, вещи. Для отправки в армию поставляли лошадей, фураж, скот. Активными жертвователями являлись дворяне и купцы: И.А. Варваций передал для армии 25 тыс. руб., на закупку продовольствия выделил еще 12 тыс. 742 руб.; П.С. Сапожников – 15 тыс. руб., чем «побудил своих собратьев к соревнованию». Оба именитых горожанина впоследствии были награждены бронзовой медалью в память о войне 1812 г. Коллежский ассессор и кавалер К.Ф. Федоров пожертвовал на обмундирование войска 19 тыс. руб., в 1814 г. был избран астраханским дворянством депутатом и вместе с Василием Дурново – «отставного флота лейтенантом», для участия в торжествах, проходивших в Петербурге по случаю возвращения в Россию императора Александра I [6].

От армянского общества поступило 72765 руб., от татарского – 21 тыс. руб. индийцы, персияне и хивинцы пожертвовали 28850 руб. Среди армян успеху дела способствовал судья Григорий Абесаломов. Купец второй гильдии «из татар» Давид Измайлов «доставил верный успех» сбору пожертвований среди мусульманского населения города.

По донесению астраханского губернатора С.С. Андреевского министру полиции А.Д. Балашову, собранное им дворянство, чиновники, купечество, представители нерусских сословий были преисполнены «неограниченного усердия и рвения», доказывая сделанными пожертвованиями «примерную ревность к высокомонаршему престолу» [3]. По одним данным сумма пожертвований, сделанных астраханцами на военные нужды, составила 546 тыс. руб. [1, с. 37], по другим – 750 тыс. руб. [2, с. 106].

Весть о создании «второй огады» от неприятеля – народного ополчения вызвала в российском обществе подъем патриотических чувств. Астраханская губерния не вошла в число 16 губерний, где собиралось ополчение, но «приготовилась» до особо-

го распоряжения. Вместе с тем, немало было добровольцев стать на защиту Отечества в рядах Московского ополчения (на сей счет известен факт выдачи паспортов для следования в первопрестольную братьев Осипа и Агапита Герман), в составе калмыцких полков. Так, например, 28 волонтеров-астраханцев ушли сражаться с врагом, разорявшим родную землю, в составе второго калмыцкого полка. Среди них – купцы Василий и Иван Гоглазины, воспитанник Московского воспитательного дома Иван Иванов и др.

В сентябре 1812 г. на имя императора последовало прошение дворянина Лазаря Паробича. Его дед Иван Андреевич Паробич, по национальности венгр, приняв подданство России, находился на службе в Астрахани: «разводил» виноградные сады и «прочие фрукты», доставляемые к императорскому двору. Его сын Петр дослужился до чина коллежского асессора, рано умер. Жена – армянка воспитывала сына в «своей вере». Лазарь Паробич нашел документы своего деда (жалованную ему «на дворянство» грамоту) и «возымел ревность возобновить свой род», захотел служить в российской армии. Лазарь Петрович умел говорить и писать по-русски, знал армянский, татарский, турецкий языки.

Гражданский губернатор С.С. Андреевский, следуя примеру других администраторов, призывавших дворянство, купечество и другие сословия противостоять неприятелю, «сделал подобное приглашение» по Астраханской губернии. Желающих пожертвовать свою жизнь в Астраханское ополчение оказалось немало: отставной штаб-капитан И.А. Реванов, коллежский регистратор С.Ф. Дьяконов, отставной поручик П.А. Ахматов, губернский секретарь Лукьянов, отставной лейтенант флота В.А. Дурново, титулярный советник Н.Ф. Казачковский, коллежский регистратор П. Третьяков и др. Добровольцы были готовы совершить ратный подвиг и сложить головы за веру, государя и Отечество в рядах «формирующегося в Астрахани вольного воинства».

Молодежь с особенным рвением стремилась в бой против всеобщего врага. Купеческой вдове Авдотье Сбродовой из Черного Яра пришлось обратиться за помощью к губернатору Андреевскому. Купеческие дети, три ее «родных сына» Иван, Архип, и Егор имели «нетерпеливую ревность» определить их в военную службу.

Астраханцы, жертвовавшие свои жизни «на службу Отечеству», давали подписки, подтверждавшие их добровольное желание верно служить государю в числе ополченцев, обязательства быть «к походу готовыми» без всяких отговорок, за исключением тяжелой болезни.

Астраханские чиновники, готовые противостоять неприятелю, ждали отправки в действующую армию. Среди них – Иван Лаптев, Степан Бурлаков, Петр Алексеев, Алексей Соколовский, Степан Ступаков, Георгий Россо, Сергей Демин, Дмитрий Кожевников, Николай Качалов и др.

В октябре 1812 г. 12 человек отправились в путь. 12 октября 1812 г. партионный офицер Соколовский рапортовал губернатору об их прибытии в крепость Новохаперскую, 29 октября – в Царицын. В начале ноября 1812 г. еще 6 чиновников были направлены в Тамбов. В Черном Яру они были вынуждены задержаться из-за жестокого холода и ветра, к тому же «не обьеженные лошади есаула Жоголева» ранили офицеров Лукьянова и Ступакова, но они мужественно продолжили путь вместе с товарищами.

Прибывших в ноябре астраханцев тамбовский губернатор препроводил в Калугу. Однако российская армия так стремительно гнала врага к границе, что не все ополченцы-добровольцы смогли проявить свой патриотический порыв на поле брани. Алексеев, Жорж и Ступаков в феврале 1813 г. просили калужского губернатора о содействии возвращения в Астрахань. Трагична судьба ополченца титулярного советника Николая Качалова. Из-за болезни он смог отправиться в путь только в начале декабря 1812 г., однако вскоре скончался на земле Войска Донского («на Гуляевской почте»), где его и похоронили. В Астрахани у него остались двое сыновей Степан и Константин, родной брат титулярный советник Гаврила Качалов, собственный дом [7].

Астраханцы принимали участие в благотворительных мероприятиях, нацеленных на поддержку потерпевших «от нашествия злобного врага». Так, 12 декабря 1812 г. в городском театре, основанном в 1810 г. подпоручиком Андреем Грузиновым, дали бенефис «в пользу несчастных», получив 1000 рублей от «астраханской публики» [8]. Театр Грузинова в период войны не раз организовывал показ спектаклей в пользу бедных, погорельцев, инвалидов губернии, московского патриотического общества. Потраченные на эти цели полторы тысячи рублей собственных накоплений, Грузинов просил губернатора считать суммой, пожертвованной на военные нужды [11, с. 148].

В апреле 1813 г. в Астрахани с благотворительной целью намечался подъем большого воздушного шара иностранцем Тушелем «в пользу московских жителей от вторжения неприятеля разоренных». Объявление о «воздухоплавательном представлении» было напечатано в «Восточных известиях» – одной из первых провинциальных газет в России, созданной инициативой учителя мужской гимназии г. Астрахани И.А. Вейсскопфена в 1813 г.

Читатели знакомились с темами по географии, торговле, общественной жизни города, еженедельными метеорологическими наблюдениями и др. В прошении губернатора издатель просил предоставить ему сведения о проживающих и отъезжающих из Астрахани людях, о «жизненных припасах» города, о движении судов по Волге для «удовлетворения любознательной публики». Губернатор согласился такую информацию предоставлять, дав соответствующие распоряжения астраханской полиции [9]. И это в той ситуации, когда по всей России к иностранцам внимательно приглядывались, осуществляя их «разбор» на предмет лояльности и благонадежности, а всех подозрительных высылали в назначенные города внутренних губерний. Об иностранце-тирольце Вейсскопфене, находившемся в России с 1806 г., также собрали информацию. Он был охарактеризован как человек рачительный, скромный в поведении и оставлен в Астрахани. Это означало, что губернатор Андреевский выражал совершенную уверенность в его благонадежности и являлся, по сути, его поручителем [10]. Газета имела несомненный успех, ее выписывали не только в Астрахани, но и в Москве, Казани, Пензе. С 1816 г. она стала двуязычной (печаталась на русском и армянском языках), выходила еженедельно до момента смерти ее издателя в 1816 г.

С 1816 по 1818 гг. в губернском городе усилиями учителя мужской гимназии, композитора И.В. Добровольского издавался «Азиатский музыкальный журнал» – первое периодическое музыкальное издание в России. Журнал был ежемесячным, там размещались ноты армянских, персидских, татарских, калмыцких и других национальных песен и плясок. В первом номере журнала была напечатана калмыцкая песня, сочиненная во время кампании 1812–1814 гг., где астраханские калмыки показали себя отважными воинами на полях сражений.

Общество пылливо вглядывалось в черты поверженного врага («чужого») в период пребывания военнопленных французской армии в Астраханской губернии (1812–1814 гг.), проявляя терпимое, человеколюбивое к ним отношение. Повседневные практики жизни в губернском и уездных городах помогали познавать друг друга, обмениваться опытом, культурными ценностями. Все же «Восточные известия» свидетельствуют, что пленные были «весьма довольны» приемом, устроенным им астраханцами. Наши соотечественники отличались нравом незлобным, добрым. Горожане проявили сострадание к участи военнопленных. Один купец, по свидетельству газетной корреспонденции, пригласил их к себе домой, потчевал обедом и в разговоре упомянул, что Бонапарт русских варварами считает. «Посмотрите на нас, похожи ли мы на варваров?» – спросил он, на что французы, молча, прослезились.

Пленные привлекались к строительству и ремонту каналов, валов, мостов, им разрешалось наниматься в услужение к частным лицам за плату, ходить в гости к обывателям, писать письма, играть свадьбы. К чести губернской власти, военнопленным вовремя выплачивали жалование, их снабжали теплой одеждой и обувью, оказывали медицинскую помощь, привлекая для этого и «лекарей» из числа самих пленников.

Дополнительной проблемой для местных властей стала достойная экипировка освобожденных из плена людей. Одеть прилично иностранцев было делом госу-

дарственной важности: речь шла о возвращении из «миротворной» России, блиставшей в лучах славы державы-победительницы, а потому астраханские купцы поставляли добротное сукно, а местные портные усердно шили одежду для военнопленных, возвращавшихся домой. Некоторые из иностранцев приняли решение стать российскими подданными, остаться в Астрахани [13].

Город наполнялся социальным опытом «других», бережно сохранял традиции и был готов к восприятию новых культурных практик.

Список литературы

1. Астраханская летопись / сост. А. Штылько. – Астрахань, 1897. – С. 37.
2. Бабкин В. Народное ополчение в Отечественной войне 1812 г. / В. Бабкин. – Москва, 1962.
3. Восточные известия. – Астрахань, 1813. – № 7–15.
4. Восточные известия. – Астрахань, 1813. – № 12.
5. ГКУ АО «Государственный архив Астраханской области» (ГКУ АО «ГААО»). – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 336. – Л. 11–12, 27–29.
6. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 375. – Оп. 1. – Д. 188. – Л. 2 (об.); Ф. 1. – Оп. 19. – Д. 210. – Л. 23 (об).
7. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 863. – Л. 5, 17, 17 (об), 18, 19, 23–24, 44, 50, 54, 63, 75–89, 112–113, 123, 130, 137–142, 150.
8. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 300. – Л. 2 (об.)–3.
9. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 1048. – Л. 1–2.
10. ГКУ АО «ГААО». – Ф. 1. – Оп. 3. – Т. 2. – Д. 166. – Л. 65. – Ф. 13. – Оп. 1. – Д. 25093. – Л. 6.
11. Марков А. С. Варвакис / А. С. Марков. – Астрахань, 2000. – С. 148.
12. Тимофеева Е. Г. Участие астраханцев в защите Отечества. 1812 год / Е. Г. Тимофеева // Природа и история Астраханского края. – Астрахань, 1996. – С. 226–227.
13. Тимофеева Е. Г. Военнопленные Великой армии в Астраханской губернии в 1812–1814 гг.: новая тема интерпретации в региональной историографии / Е. Г. Тимофеева // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2012. – № 2 (31). – С. 11–15.

References

1. *Astrahanskaja letopis'* [Astrakhan chronicle], sost. A. Shtyl'ko. Astrakhan, 1897, p. 37.
2. Babkin V. *Narodnoe opolchenie v Otechestvennoj vojne 1812 g.* [National militia in Patriotic War of 1812]. Moscow, 1962.
3. *Vostochnye izvestija* [East News]. Astrakhan, 1813, no. 7–15.
4. *Vostochnye izvestija* [East News]. Astrakhan, 1813, no. 12.
5. *GKU AO «Gosudarstvennyj arhiv Astrahanskoj oblasti» (GKU AO «GAAO»)* [State Archive of the Astrakhan Region], F. 1, Op. 3, T. 2, D. 336, L. 11–12, 27–29.
6. *GKU AO «GAAO»*, F. 375, Op. 1, D. 188, L. 2 (ob.); F. 1, Op. 19, D. 210, L. 23 (ob).
7. *GKU AO «GAAO»*, F. 1, Op. 3, T. 2, D. 863, L. 5, 17, 17 (ob), 18, 19, 23–24, 44, 50, 54, 63, 75–89, 112–113, 123, 130, 137–142, 150.
8. *GKU AO «GAAO»*, F. 1, Op. 3, T. 2, D. 300, L. 2 (ob.)–3.
9. *GKU AO «GAAO»*, F. 1, Op. 3, T. 2, D. 1048, L. 1–2.
10. *GKU AO «GAAO»*, F. 1, Op. 3, T. 2, D. 166, L. 65, F. 13, Op. 1, D. 25093, L. 6.
11. Markov A.S. *Varvakis* [Varvakis]. Astrakhan, 2000, p. 148.
12. Timofeeva E.G. *Uchastie astrahancev v zavite Otechestva. 1812 god* [Participation of natives of Astrakhan in protection of the Fatherland. 1812]. *Priroda i istorija Astrahanskogo kraja* [Nature and history of the Astrakhan region]. Astrakhan, 1996, pp. 226–227.
13. Timofeeva E.G. *Voennoplennye Velikoj armii v Astrahanskoj gubernii v 1812–1814 gg.: novaja tema interpretacii v regional'noj istoriografii* [Prisoners of Great Army in the Astrakhan province in 1812–1814: a new subject of interpretation in regional historiography]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Policy, Economy, Culture], 2012, no. 2 (31), pp. 11–15.

**КАЛМЫКИ-КАЗАКИ В СОСТАВЕ ДОНСКИХ ПОЛКОВ
В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ 1812 г.**

Максимов Константин Николаевич, доктор исторических наук, профессор

Калмыцкий институт гуманитарных исследований РАН
358000, Республика Калмыкия, ул. Илишкина, д. 8
E-mail: kaspreigion@inbox.ru

**KALMYK COSSACKS OF THE DON REGIMENTS
IN PATRIOTIC WAR OF 1812**

Maksimov Konstantin N., D.Sc. (History), Professor

Kalmyk Institute of Humanitarian Researches of the Russian Academy of Sciences
8 Ilishkin st., Elista, 358000, Republic of Kalmykia
E-mail: kaspreigion@inbox.ru

Отечественная война 1812 г., подвергнувшая Россию жестокому испытанию, принадлежит к числу выдающихся военных событий в истории Российского государства. Русская армия, россияне стойко выдержали драматический период войны, воспрянули духом и, по выражению участника войн с Наполеоном Ф.Н. Глинки, «ополчились всею крепостью своих сил» на решительную борьбу с врагом. В защиту Отечества выступили, объединившись вокруг русских, народы России, в том числе и калмыки.

Об Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах русской армии ныне имеется весьма обширная российская и зарубежная историография. В массиве этой литературы немало трудов, уделивших значительное внимание участию в военных событиях донских казаков. Наиболее общая информация о донских казаках, в том числе и о калмыках-казаках, представлена в многотомном труде В.Б. Броневского. Он писал, что в Отечественной войне 1812 г. и заграничных походах участвовало 55 тыс. донских казаков, и наряду с ними сражались калмыки. Ценные сведения о количестве донских полков в армиях, корпусах, о боевых их действиях содержатся в трудах А.И. Михайловского-Данилевского, Д.П. Бутурлина, М.И. Богдановича и др. [1]. Однако в имеющихся изданиях и различных публикациях нет абсолютно никакой информации об участии калмыков-казаков в составе донских полков в наполеоновских войнах.

Между тем к концу XVIII в. на Дону сложилось стабильное калмыцкое население, инкорпорированное как равностатусное с казаками в составе Войска Донского, со своим административным устройством и управлением. В соответствии с новым положением существенно трансформировалась его социальная структура – утвердилось военное сословие – служилые калмыки-казаки, которые наравне с донскими казаками несли службу строевую и внутреннюю. Причина такого состояния в освещении вопросов участия калмыков-казаков в войнах вместе с казаками заключается, видимо, в том, что они не выделялись из общего состава донского казачества по каким-либо признакам. Тем более в составе войска Донского не создавались отдельные калмыцкие подразделения. Калмыков-казаков при формировании пятисотенных донских полков по 15–30 человек распределяли по некомплектным полкам. По штатному расписанию в тысячном Атаманском полку числился 91 калмык, Лейб-гвардии Казачьем полку – до 20, в конноартиллерийской роте – до 10.

На начало 1812 г. 61 донской казачий полк с личным составом 46907 человек, в том числе 1740 калмыков, согласно представленному отчету в Военную коллегию, располагался и нес службу в различных регионах страны [2].

В условиях сложной международной обстановки и надвигавшейся войны с Францией, провоцируемой Наполеоном, Россия предпринимает меры оборонительного характера, прежде всего, по развёртыванию армии на возможных направлениях противника. Многие донские полки из прежних мест дислокации были перебросены